

Философские
Технологии

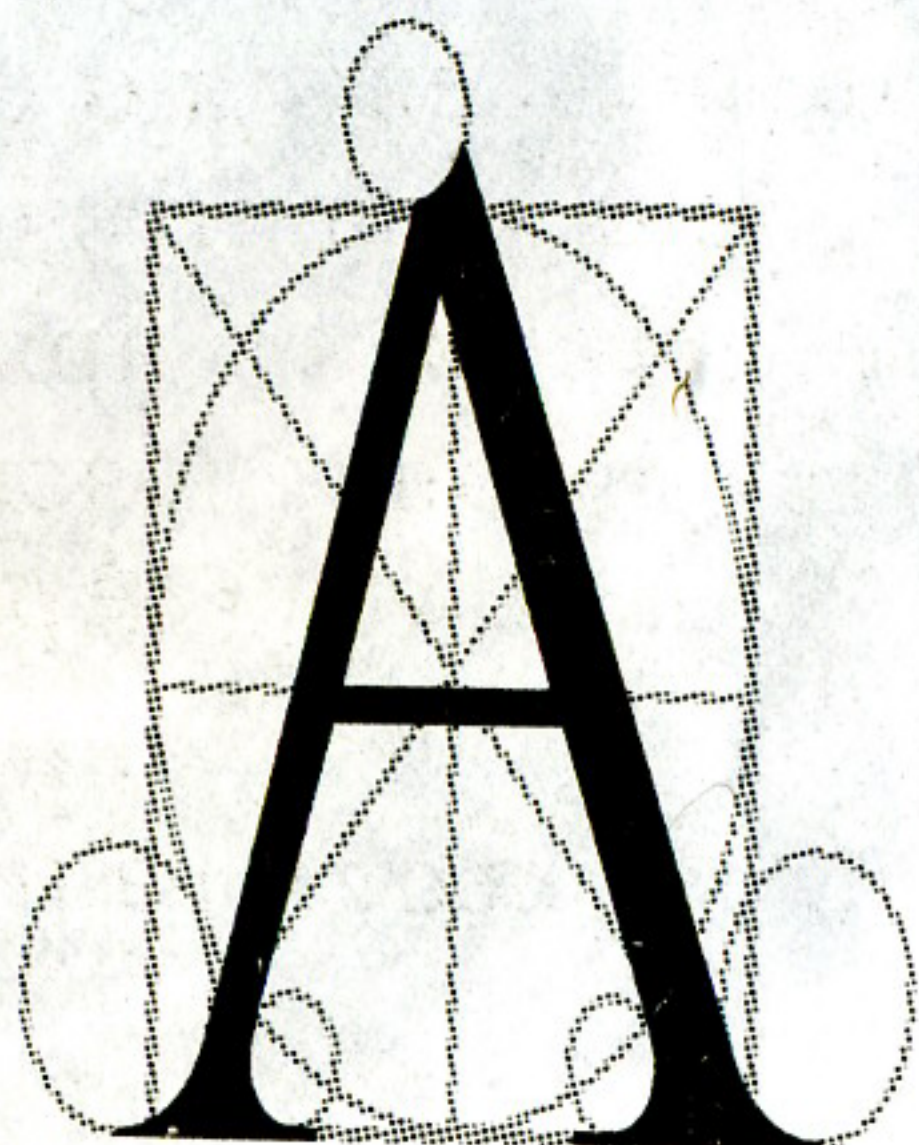
КОНФЛИКТ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

ПОЛ
ВА
Р
И
Ж
Е
Р

академический
проект

Книги серии снабжены нумерацией строк, предназначенной для удобства цитирования и работы с текстами книги на семинарах и практических занятиях

Paul Ricoeur

LE CONFLIT
DES INTERPRÉTATIONS

Essais d'herméneutique

Editions du Seuil
Paris
1969

Институт философии
Российской академии наук

Поль Рикёр

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Очерки о герменевтике

Перевод с французского, вступительная статья
и комментарии И.С. Вдовиной

Москва
Академический Проект
2008

Тверской государственный университет

Научная библиотека

00041942

103(4ФРА)

P 50

УДК 1/14

ББК 87

P50

Редакционный совет серии:

*П.П. Гайденко, А.Л. Доброхотов, В.К. Кантор, Н.С. Кирабаев,
А.И. Кобзев, Н.В. Мотрошилова, А.М. Руткевич, В.В. Соколов*

Редакционная коллегия серии:

*А.М. Руткевич (председатель), И.И. Блауберг, Д.В. Бугай,
В.В. Васильев, И.С. Вдовина, В.А. Куренной, А.В. Михайловский,
Д.М. Носов, В.В. Сербиненко*

Координатор проекта Василий Кузнецов

*Перевод с французского, вступительная статья
и комментарии И.С. Вдовиной*

Рикёр П.

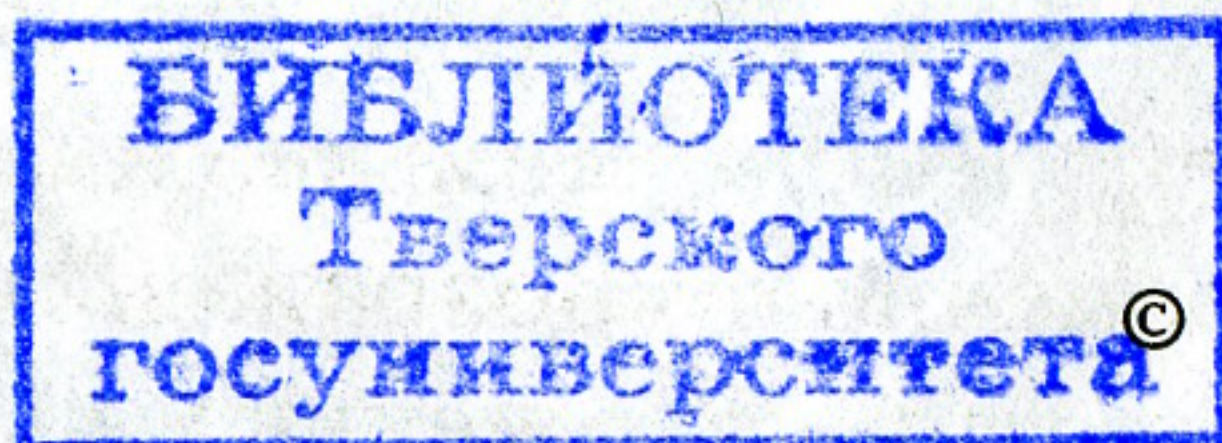
P50

Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. — М.: Академический Проект, 2008. — 695 с. — (Философские технологии).

ISBN 978-5-8291-1025-3

Книга виднейшего философа современности Поля Рикёра «Конфликт интерпретаций», полный перевод которой представлен в этом издании, знакомит читателя не только с оригинальным толкованием текстов Фрейда, Ницше, Маркса, Хайдеггера, Бульмана, но и дает представление о методологическом подходе, свойственном феноменологической герменевтике, ведущим представителем которой является Рикёр.

УДК 1/14
ББК 87

© Перевод, вступ. ст., коммент.
И.С. Вдовина, 2008

© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2008

ISBN 978-5-8291-1025-3

От переводчика

Диалог, или конфликт интерпретаций

Поль Рикёр (1913–2005) — один из выдающихся философов XX века; наряду с М. Хайдеггером, Э. Гуссерлем, Х.-Г. Гадамером, Л. Витгенштейном он принадлежит к числу классиков современной философии. Рикёр является ведущим представителем феноменологической герменевтики. В книге «Конфликт интерпретаций» он разрабатывает собственное понимание герменевтики как синтеза достижений современной философской мысли в понимании человека, сознания, культуры; при этом почвой, на которой стоит сам философ, является феноменология, соединенная с рефлексивной позицией.

В работе «История и истина» (1955) Рикёр, говоря об истории философии, использует мифологический образ «Елисейских полей», обители блаженных, куда после смерти попадают выдающиеся герои — любимцы богов. Здесь многочисленные философские индивидуальности: Платон, Декарт, Спиноза и другие — изначально доступны друг другу, здесь возможен любой диалог. «Елисейские поля» заранее открыты истории, на них все философы становятся современниками.

Именно диалог мыслителей, считает Рикёр, составляет историю философии. Собственно, и сама философия, сколь индивидуальны ни были бы ее творцы, есть диалог. Подтверждением этой мысли для него является опубликование Декартом «Размышлений о первой философии» одновременно с «Возражениями некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами на них автора». «Издан-

ные вместе, эти тексты образуют то, что есть философствование сообща...»* В то же время философия едина: оригинальные философские учения составляют единую историю и делают ее *philosophia perennis*. И нет иного подступа к этому Единому, кроме сопоставления одной философской позиции с другой. К этому следует добавить, что философия с момента ее зарождения ведет диалог с иными, не-философскими, типами знания. Платон, Декарт, Бергсон, Мерло-Понти, Леви-Стросс — это мыслители, которые сумели проникнуть в тайны других дисциплин: математики, биологии, психологии, этнографии.

Говоря об истории философии как о диалоге, Рикёр отмечает, что в подобном общении сталкиваются как прежние, так и ныне существующие философские позиции, близкие по духу или кардинально противостоящие друг другу. Их совмещение в корне отлично от эклектики, коль скоро сутью философии является приращение смысла: «мыслить более того, что помыслено» — вот девиз и задача подлинного философа. Отличительной особенностью самого Рикёра, как справедливо отмечает французский исследователь Франсуа Досс, является стремление «обдумывать вместе позиции, зачастую выступающие как антиномические»**. Именно с целью «обдумывания вместе» Рикёр принимал участие в многочисленных философских конгрессах, симпозиумах, конференциях, выступал с лекциями в различных странах мира. Словосочетание «конфликт интерпретаций», ставшее названием настоящего труда, чрезвычайно значимо для мыслителя. Рикёр определяет свое отношение к оппонентам как «критическую верность», «любовную борьбу», заимствуя последнее выражение у Ясперса***. При этом, пишет он, «я сам являюсь

* *Ricoeur P. Parcours de la reconnaissance. P., 2004. P. 63–64.*

** *Dosse F. Paul Ricoeur. Le sens d'une vie. P., 2001. P. 38.*

*** Как отмечает ирландский исследователь Ричард Керни, Рикёр всегда был весьма терпимым арбитром, миротворцем, но когда он занимал критическую позицию, мог быть и резким (см.: *Dosse F. Paul Ricoeur. P. 424*).

местом конфликта, а мои книги — это объяснение не с другими, а с самим собой, осажденным и оккупированным другими»*.

На совместные обсуждения актуальных философских проблем Рикёр шел с существенными работами, ему всегда было что сказать «от собственного лица». При знакомстве с творческой биографией мыслителя постоянно убеждаешься, что уже в начале своей философской деятельности он высказал большинство идей, которые займут центральное место в философских исканиях XX века. Дискуссии нужны были Рикёру для того, чтобы, с одной стороны, подтвердить правильность собственных позиций, с другой — развить и углубить их, используя опыт своих коллег, будь они его единомышленниками или идейными противниками.

Рикёр — прекрасный знаток истории философии. По мнению американского исследователя Герберта Шпигельберга — самый осведомленный. Из древних постоянными собеседниками мыслителя являются прежде всего Платон и Аристотель. Далее идут Августин, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Ницше, Фрейд, Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер... Себя Рикёр считает последователем трех тенденций в развитии философской мысли: рефлексивной философии, ведущими представителями которой являются Мен де Биран, Равессон, Бутру, Набер; феноменологии (Гуссерль), герменевтики (Дильтей, Хайдеггер, Гадамер). При этом, как замечает сам французский философ, его исследования сразу и продолжают, и корректируют, а иногда и ставят под вопрос эту традицию. Впоследствии к отмеченным тенденциям Рикёр добавит аналитическую философию, с которой познакомился во время преподавательской деятельности на американском континенте (1970–1985).

Одной из главных задач своего творчества Рикёр считает разработку концепции человека с учетом

* Цит. по: Mongin O. Paul Ricoeur. P., 1994. P. 36.

того вклада, который внесли в нее крупнейшие учения современности — философия жизни, феноменология, экзистенциализм, персонализм, психоанализ, герменевтика, структурализм, аналитическая философия и др., имеющие глубинные истоки, заложенные еще в Античности, и опирающиеся на идеи своих непосредственных предшественников: Канта, Фихте, Гегеля. Рикёр, обращаясь к современным философским течениям, стремится сохранить «плюрализм суждений», определить меру компетентности и исследовательские возможности каждого из них и согласовать в единой, многоплановой и многогранной концепции — феноменологической герменевтике, не пытаясь при этом затушевать их расхождения. «Очень важно, — считает он, — продемонстрировать, как различные мнения сталкиваются и пересекаются, но не менее важно побороть искушение все унифицировать»*. «Множество интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации»**.

Учение Рикёра о человеке, значительный импульс к которому дала персоналистская концепция личности, формировалось на протяжении всей его творческой жизни и явилось результатом осмысления им актуальных проблем современности, получавших отражение в различных философских концепциях от феноменологии до аналитической философии.

В 1930-е годы Рикёр, будучи студентом, знакомится с идеями философа-персоналиста Эмманюэля Мунье. Начинаящий протестантский философ сразу же испытывает чувство симпатии к неортодоксально мыслящему католику; в своей «Интеллектуальной автобиографии» Рикёр признает: «...философско-христианская ориентация Мунье была мне близка»***. Наиболее тесные узы связывали двух мыслителей в

* Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 83.

** Там же. С. 8.

*** Ricoeur P. Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle. P., 1995.

последние годы жизни основоположника французского персонализма (Мунье умер в 1950 году). Рикёр в работе, посвященной памяти Мунье, отмечал, что их соединяло «редко встречающееся согласие двух тональностей мышления и жизни, одна из которых называется *силой*, если следовать христианским моралистам прошлого, или способностью *противостояния*; другая — *великодушием*, или душевной *щедростью*, которая сдерживает порывы силы с помощью милосердия и благорасположенности...» С годами основанный Мунье журнал «Esprit» станет для Рикёра местом интеллектуальной привязанности и публичных выступлений. Его особенно привлекало то, что «Esprit» замышлялся как пространство диалога мыслителей разных ориентаций и вероисповеданий. В нем в свое время публиковались Н. Бердяев, Ж. Маритен, М. Мерло-Понти, А. Дюмери и др. Рикёр был корреспондентом «Esprit» до конца своей жизни.

Большое влияние на Рикёра оказала персоналистская идея философии, вовлеченной в общество, вышедшей из изоляции, которая предписывалась ей Университетом, и «эффективно воздействующей на историю»**. Рикёр с пониманием отнесся к стремлению Мунье и его соратников содействовать созданию новой цивилизации, «возродить Возрождение». Формулировки понятия личности в этом плане являлись не столько определениями личности, сколько требованиями, в соответствии с которыми надлежало перестраивать цивилизацию. В целом персонализм не был концептуально оснащен так, как, например, его соперники — экзистенциализм и марксизм.

Но этот явный просчет персонализма Рикёр обращает в его пользу, сосредоточивая внимание на личности как «основе позиции, перспективы, вдохновения», как субъекте вовлечения***. Рикёр стремится по-новому говорить о личности, «без пер-

* Рикёр П. История и истина. М., 2002. С. 184.

** См.: Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 269.

*** Ricoeur P. Meurt le personnalisme, revient la personne // Ricoeur P. Lectures 2. La contrée des philosophes. 1992. P. 195.

того вклада, который внесли в нее значительнейшие учения современности — философия жизни, феноменология, экзистенциализм, персонализм, психоанализ, герменевтика, структурализм, аналитическая философия и др., имеющие глубинные истоки, заложенные еще в Античности, и опирающиеся на идеи своих непосредственных предшественников: Канта, Фихте, Гегеля. Рикёр, обращаясь к современным философским течениям, стремится сохранить «плюрализм суждений», определить меру компетентности и исследовательские возможности каждого из них и согласовать в единой, многоплановой и многогранной концепции — феноменологической герменевтике, не пытаясь при этом затушевывать их расхождения. «Очень важно, — считает он, — продемонстрировать, как различные мнения сталкиваются и пересекаются, но не менее важно побороть искушение все унифицировать»*. «Множество интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации»**.

Учение Рикёра о человеке, значительный импульс к которому дала персоналистская концепция личности, формировалось на протяжении всей его творческой жизни и явилось результатом осмысления им актуальных проблем современности, получавших отражение в различных философских концепциях от феноменологии до аналитической философии.

В 1930-е годы Рикёр, будучи студентом, знакомится с идеями философа-персоналиста Эмманюэля Мунье. Начинаящий протестантский философ сразу же испытывает чувство симпатии к неортодоксально мыслящему католику; в своей «Интеллектуальной автобиографии» Рикёр признает: «...философско-христианская ориентация Мунье была мне близка»***. Наиболее тесные узы связывали двух мыслителей в

* Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 83.

** Там же. С. 8.

*** *Ricoeur P. Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle. P., 1995. P. 18.*

последние годы жизни основоположника французского персонализма (Мунье умер в 1950 году). Рикёр в работе, посвященной памяти Мунье, отмечал, что их соединяло «редко встречающееся согласие двух тональностей мышления и жизни, одна из которых называется *силой*, если следовать христианским моралистам прошлого, или способностью *противостояния*; другая — *великодушием*, или душевной *щедростью*, которая сдерживает порывы силы с помощью милосердия и благорасположенности...» С годами основанный Мунье журнал «Esprit» станет для Рикёра местом интеллектуальной привязанности и публичных выступлений. Его особенно привлекало то, что «Esprit» замышлялся как пространство диалога мыслителей разных ориентаций и вероисповеданий. В нем в свое время публиковались Н. Бердяев, Ж. Маритен, М. Мерло-Понти, А. Дюмери и др. Рикёр был корреспондентом «Esprit» до конца своей жизни.

Большое влияние на Рикёра оказала персоналистская идея философии, вовлеченной в общество, вышедшей из изоляции, которая предписывалась ей Университетом, и «эффективно воздействующей на историю»**. Рикёр с пониманием отнесся к стремлению Мунье и его соратников содействовать созданию новой цивилизации, «возродить Возрождение». Формулировки понятия личности в этом плане являлись не столько определениями личности, сколько требованиями, в соответствии с которыми надлежало перестраивать цивилизацию. В целом персонализм не был концептуально оснащен так, как, например, его соперники — экзистенциализм и марксизм.

Но этот явный просчет персонализма Рикёр обращает в его пользу, сосредоточивая внимание на личности как «основе позиции, перспективы, вдохновения», как субъекте вовлечения***. Рикёр стремится по-новому говорить о личности, «без пер-

* Рикёр П. История и истина. М., 2002. С. 184.

** См.: Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 269.

*** Ricoeur P. Meurt le personnalisme, revient la personne // Ricoeur P. Lectures 2. La contrée des philosophes. 1992. P. 195.

соналистских подпорок», сохраняя, однако, само понятие позиции. Личность, считает он, является очагом позиций. Наиболее близкой своим представлениям Рикёр считает концепцию ученика М. Шелера философа-персоналиста П.-А. Ландсберга: когда тот говорит о личности и персонализме, он прибегает к понятию *Aufweis* (личное удостоверение). Рикёр в своих исследованиях проблемы вовлечения будет опираться на понятие «личность — позиция»*.

Прежде всего, личность — это бытие, для которого сущностным определением его участи является понятие кризиса, перелома. Мунье утверждал, что «персоналистское движение родилось в условиях кризиса, разразившегося в 1929 году вслед за крахом Уолл-стрита...»**. Как считает Рикёр, Мунье и его соратники понимали под кризисом не столько социально-экономическую ситуацию, сколько ощущение человеком воцарившегося вокруг него беспорядка. Поддерживая идею Шелера — Ландсберга об универсальности понятия «кризис», Рикёр отмечает, что применительно к субъекту оно означает осознание им собственного положения в мире как переломного, которое простирается за пределы экономического, социального и культурного пространства. Речь идет об экзистенциальном содержании кризиса.

Кризис человека, по Рикёру, включает в себя следующие моменты: ощущение себя «сдвинутым с места»; утрату ценностных ориентиров; предельное чувство невыносимости («я больше так не могу!»), возникающее как следствие крайней неопределенности и неустойчивости душевного состояния. Ответом человека на кризис является принятие новой позиции, создание новой шкалы ценностей, способных воодушевить его, что Рикёр, вслед за Гегелем, называет убежденностью: «Убежденность есть ответ на кризис: мое место определяет меня; иерархия пред-

* *Ricoeur P.* Meurt le personnalisme, revient la personne. P. 199.

** Мунье Э. Что такое персонализм? М., 1994. С. 14.

почтений обязывает меня; чувство невыносимости превращает меня из дезертира или бесстрастного наблюдателя в убежденного человека, который раскрывает себя в творчестве и творит, раскрывая себя»*. Вовлеченность перестает быть некой особенностью личности и становится ее критерием: личность отождествляет себя с превосходящим ее делом. Речь идет о долге вовлечения.

Критерий вовлеченности позволяет Рикёру трактовать «личность — позицию» как поведение во времени. «Верность делу» не принадлежит одному мгновению, она — добродетель, обладающая длительностью. Личность находит руководящую нить своей деятельности в верности выбранному направлению; в свою очередь благодаря верности делу личность сосредоточивается и обретает собственную идентичность. Вовлечение осуществляется не ради абстрактных ценностей — речь идет о задаче всего человечества; тем не менее отдельный человек переживает исторический кризис как «свое невыносимое», а стремление к миру и спокойствию — как собственную убежденность.

Сначала Рикёр осознанно концентрирует внимание на понятиях «позиция» и «вовлечение», полагая их существенными характеристиками личности и на время отвлекаясь от проблем, касающихся языка, говорения, этики, политики и т. п. Он стремится показать, что ослепление неверно истолкованным кризисом может привести к ограниченности мышления, стремящегося возможно полно изучать личность и ее бытие в текущей истории. Собственно, это и было в определенной мере свойственно персонализму первых лет существования.

В 1982 году на Международном colloquium, посвященном 50-летию со дня выхода в свет первого номера персоналистского журнала «Esprit» (1932 год считается датой рождения персонализма во Франции), Рикёр выступил, как он сам отметил, с «провокаци-

* *Ricoeur P. Meurt le personnalisme, revient la personne. P. 200.*

онным и рискованным» сообщением: «Персонализм сходит со сцены. Личность возрождается». В нем речь шла об определенной исчерпанности персонализма 1930–1950-х годов и возрождении его центральной идеи — идеи личности — в новых условиях. Говоря о новых условиях, Рикёр имел в виду не только и не столько общественно-политическую и социальную ситуацию; он намеревался использовать при изучении человека-личности новейшие философские исследования в сфере языка, деятельности, повествования.

В начале 1930-х годов товарищ Рикёра М. Шастен ввел его в среду мыслителей, объединившихся вокруг Габриэля Марселя. Рикёр стал участником знаменитых марселевских «пятниц» на улице Турнон в Париже, которые посещали философы Ж. Маритен, Ж.-П. Сартр, Э. Левинас, художник Лапик, писатель Бютор и др. «...Мы приходили к Вам, — скажет впоследствии Рикёр Марселю, — чтобы в свою очередь исследовать царство живого опыта и его значений»*. По словам Н. Бердяева, тоже участника марселевских «пятниц», «это было, вероятно, единственное место во Франции, где обсуждались проблемы феноменологии и экзистенциальной философии. Здесь постоянно произносили имена Гуссерля, Шелера, Хайдеггера, Ясперса»**. Диалогический характер обсуждения философских проблем «по пятницам» укрепил Рикёра в мысли о том, что философия — дело совместное, вершимое на «Елисейских полях». Одновременно золотым правилом обсуждений «по пятницам» было: не повторять мысли другого и более всего полагаться на собственный опыт***.

* Поль Рикёр — Габриэль Марсель. Беседы // *Марсель Г.* Трагическая мудрость философии. М., 1995. С. 147.

** *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 262.

*** В «Конфликте интерпретаций» Рикёр, комментируя отношение М. Мерло-Понти к феноменологии Гуссерля — не только повторять, но и возобновлять его усилие, обращаться не столько к его идеям, сколько к движению мысли, — с удовлетворением отметит: наше отношение к самым именитым французским феноменологам стало именно таким: не повторять, а продолжать их рефлексию (см. наст. изд., с. 346).

В своем творчестве Рикёр будет руководствоваться марселевским «стилем исследования». «У Габриэля Марселя, — признает мыслитель, — я заимствую подход к философским проблемам, исходящий из живых индивидов»*. Вслед за Марселем предметом философского анализа Рикёр считает человека, укорененного (по Марселю — «воплощенного») в жизненном мире, его индивидуальный эмоционально-рефлексивный опыт («царство живого опыта и его значений»). Рикёр подчеркивает такую существенную черту марселевского субъекта, как умение «сохранять дистанцию» по отношению к собственным желаниям и влечениям, то есть быть хозяином самого себя, иметь собственную тайну, что при его изучении удерживает от редукционизма и объективизма, и вместе с тем «состоять на службе у необходимости, фигурирующей в виде характера, бессознательного, жизни»**.

Думается, что именно Марсель подтолкнул Рикёра к формулированию того, что он в «Конфликте интерпретаций» назовет регрессивно-прогрессивным методом исследования. Рикёр, в частности, обращает внимание на выделение Марселем двух видов рефлексии: первичной рефлексии и «рефлексии второй ступени». Первичная рефлексия чисто аналитическая по своему характеру, ее функция — разъяснить конкретное, разлагая его на составные части. Рефлексия второй ступени совершает обратное движение — движение воссоздания, заключающееся в осознании фрагментарности и в каком-то смысле сомнительности сугубо аналитического подхода и восстановлении на уровне мышления того конкретного, что перед этим представало раздробленным, распыленным. Рефлексия второй ступени — это мышление, которое осознает собственные разлагающие потенции и направлено на их устранение. При этом переход от одной стадии рефлексии

* France catholique. 1992. № 2338. P. 16.

** *Ricoeur P.* Réflexion faite. P. 24.

к другой осуществляется не путем дедукции; здесь нет и отношений следования. Между первичной рефлексией и рефлексией второй ступени существует диалектическая связь; их надо непременно «брать вместе»*.

Именно отсюда, как представляется, вытекает и идея «долгого пути» в герменевтике Рикёра, которую он будет обосновывать в «Конфликте интерпретаций». Не переноситься сразу в план онтологии конечного сущего («фундаментальная онтология» Хайдеггера), а погружаться в нее постепенно, шаг за шагом углубляя методологические возможности истолкования и выходя за пределы того, что обнаруживается в качестве непосредственно данного, — таков долгий «окольный путь» с его «попятными» движениями.

Благодаря Марселю Рикёр знакомится с философией К. Ясперса. Работы Ясперса станут для Рикёра духовной пищей в годы пребывания в немецком плену (1940–1945), и на протяжении всей его жизни немецкий философ будет его «молчаливым собеседником». Именно Ясперс поможет французскому философу осознать взаимную дополнительность двух разнонаправленных методов — Гуссерля и Марселя. Ясперсово понимание существования содержит в себе два фундаментальных положения: «...с одной стороны, удел человеческий подвергается испытанию в контакте с непреодолимыми и вместе с тем формирующими бытие человека ситуациями: одиночеством, страданием, поражением, смертью; с другой стороны, само существование как бы структурировано отношениями между свободой, ситуацией, инаковостью»**. Рикёр нередко вступал в полемику с Ясперсом. У Ясперса, отмечает он, «основное ударение делается на изгнании, одиночестве, отказе: это ориентирует всю его философию на своего рода романтизм пораже-

* См.: *Ricoeur P. Réflexion primaire et seconde chez Gabriel Marcel // Ricoeur P. Lecture 2.*

** Цит. по: *France catholique. 1992. № 2338. P. 16.*

ния...»*. Мысли немецкого философа-экзистенциалиста о трагическом характере истории, трагической мудрости и трагическом уделе человека Рикёр дополняет идеями А. Камю и М. Мерло-Понти, которые, как он считает, учат мужеству перед лицом неуловимого смысла истории.

Формулирование идеи регрессивно-прогрессивного метода, зачатки которой мы обнаружили в анализе Рикёром марселевской трактовки двух видов рефлексии, приходится на 1960-е годы. Вполне определенно об этом методе философ заговорил, исследуя творчество Гуссерля. В отличие от принятого «линейного» — от начала к концу — прочтения трудов основоположника феноменологии Рикёр предлагает изучать их, идя в обратном направлении — от конца к началу (замечу, что это излюбленный прием самого французского философа). В результате, считает он, у Гуссерля можно выявить не только упорядочивающее движение мысли к «изначальному». Великим достижением Гуссерля Рикёр считает формулирование в «Логических исследованиях» (1901) теории «категориальной интуиции». Гуссерль достигает уровня зрелого мышления, когда утверждает, что суждение с его структурой «обстояния вещей» (Sachverhalt) основано на восприятии. Это основание отсылает отнюдь не к одному только первичному слою восприятия, но говорит о новации, благодаря которой на горизонте воспринятого мира рождается категориальная интуиция, ценностная позиция. «Понятийное схватывание» означает: «все усмотренное воплощать в верных понятийных выражениях»; фиксирование результатов феноменологического анализа — пусть феноменолог и пользуется методами интуиции и дескрипции — возможно лишь на уровне понятий, то есть терминологически**.

* Поль Рикёр – Габриэль Марсель. Беседы // *Марсель Г.* Трагическая мудрость философии. М., 1995. С. 171.

** См.: *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999, § 66.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.
Диалог, или конфликт интерпретаций 5

Конфликт интерпретаций
Очерки о герменевтике 37

Существование и герменевтика 39

I. Герменевтика и структурализм 67

Структура и герменевтика 67

Двойной смысл как герменевтическая
и семантическая проблема 114

Структура, слово, событие 135

II. Герменевтика и психоанализ 159

Сознательное и бессознательное 159

Психоанализ и развитие современной
культуры 187

Философская интерпретация Фрейда 237

Техническое и нетехническое
в интерпретации 259

Искусство и фрейдовская систематика 283

III. Герменевтика и феноменология 301

Жан Набер об акте и знаке 301

Хайдеггер и проблема субъекта 317

Вопрос о субъекте: вызов семиологии 331

IV. Символика интерпретации зла 373

«Первородный грех»: исследование
значения 373

Герменевтика символов и философская
рефлексия (1) 397

Герменевтика символов и философская
рефлексия (2) 434

Демифизация обвинения 458

Интерпретация мифа о наказании 481

V. Религия и вера 512

Предисловие к Бультману 512

Свобода и надежда.....	539
Виновность, этика и религия	570
Религия, атеизм, вера	589
Отцовство: от фантазма к символу	623
Литература.....	663
Комментарии	669
Указатель имен	686

Научное издание

Рикёр Поль

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
Очерки о герменевтике

Компьютерная верстка
О. Ситникова

Корректоры
Т. Андрианова, Т. Коновалова

ООО «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01
111399, Москва, ул. Марتنеновская, 3.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
Федеральной службы по надзору в сфере
защиты прав потребителей и благополучия человека
№ 77.99.60.953.Д.002432.03.07 от 09.03.2007 г.

*По вопросам приобретения книги
просим обращаться в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартененовская, 3.
Тел.: (495) 305 3702, 305 6092; факс: 305 6088.
E-mail: info@aproject.ru
www.aproject.ru*

Подписано в печать 06.03.08.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура MyslC.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,96.
Тираж 3000 экз. Заказ № 404.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Поль РИКЁР

Конфликт
интерпретаций

Книга виднейшего философа современности Поля Рикёра «Конфликт интерпретаций», полный перевод которой представлен в этом издании, знакомит читателя не только с оригинальным толкованием текстов Фрейда, Ницше, Маркса, Хайдеггера, Бульмана, но и дает представление о методологическом подходе, свойственном феноменологической герменевтике, ведущим представителем которой является Рикёр.

Ф
Т

ISBN 978-5-8291-1025-3

9 785829 110253 >